

Виртуал Николая Носова (Выступление на первом заседании семинара РФО «Виртуалистика», 18 января 2002 г.)

Мое выступление на нашем первом заседании постоянно действующего семинара «Виртуалистика» так же неожиданно для меня, как и смерть Николая Александровича Носова. Это должен был быть совершенно другой семинар, да и выступать на нем я не собирался. Жизнь распорядилась иначе.

О чем будет мое выступление? Я собираюсь рассказать о виртуале Носова. Это рассказ изнутри, мой взгляд на историю той виртуальной реальности, в которой находились его сподвижники, коллеги, близкие: Татьяна Владимировна Носова, Георгий Петрович Юрьев, что сейчас здесь находятся... Но, полагаю, что это будет первый доклад, который действительно о виртуале изнутри. Связан мой рассказ с уходом Николая Александровича из жизни.

В последнее время мы, в Центре Виртуалистики Института человека РАН, подошли к тому самому моменту, когда хотели достаточно серьезно начать проецировать наш виртуал, виртуал внутренний, научно-фундаментальный на ту практическую реальность, которая нас окружает.

С одной стороны, я буду рассказывать про то, что было, о чем-то о своем... изнутри. С другой стороны, я буду уже рассказывать об этом – о сцене, – с того самого амфитеатра: я уже буду говорить из какой-то другой реальности, которая была порождена предшествующими событиями.

Говорить мне сейчас не легко... По многим причинам.

В том числе и потому, что очень трудно определить, что является новостью – что является историческим событием, находясь в рамках той реальности, в которой то или иное событие произошло. Оказы-

вается, что историография испытывает достаточно серьезные затруднения в том, как определить и описать историческое событие. Когда общаешься с журналистами, то и они сетуют, что трудно понять, что является новостью сегодня, кто был сегодняшним «нюс мейкером» — источником, производителем новостей.

Зачастую новостью является не то, что, так скажем, де-факто претендует на статус как таковой, а то, что говорит человек, который является нюсмейкером... И мы можем заметить, что эта его способность — быть источником новостей, — очень часто связана с тем, что данный человек занимает какую-то должность. Потом он уходит с поста, и уже почему-то перестает быть нюс мейкером. А новый человек, который занял его должность, почему-то не стал таковым. То есть у одного получается порождение каких-то событий, новостей, а у другого нет. У одного человека — только в определенном месте, а другой — сам по себе новость.

Люди, работающие в какой-либо реальности, фиксируют какие-то вещи важные, актуальные для своей практики... Но, находясь в пределах системы, как мы знаем, мы не можем ее описать полностью и концептуализировать. Иными словами, модели, которые мы создаем в пределах своей деятельности, как правило, и лежат в рамках этой самой деятельности. А значит, всю деятельность покрывать не могут. Это теорема неполноты Геделя, известная из математики¹.

Что в такой ситуации можно сказать о современной виртуалистике? Виртуалистика — это направление философское, направление межпредметное, меж- и постдисциплинарное, поэтому приложимое к любой реальности. Фактически, она претендует на преодоление вот этого внутриреального парадокса или противоречия: когда я вроде как все вижу, что делать знаю, а понять почему это именно так — я все-таки до конца не могу.

Вернемся к историографии. Так вот, историки все-таки выделили некоторые вещи, моменты, которые необходимо учитывать при описании любого исторического события.

Оказывается, историческое событие (это историографы заметили, не виртуалисты!) характеризуется тем, что оно происходит спонтанно. С одной стороны, событие вроде как лежит в рамках той исторической реальности — ее закономерности, когда все происходило, а с другой стороны, оно происходит неожиданно для современников. Эдакий парадокс одновременности, равноположенности закономерного и случайного... Это первое, что они отмечают.

Еще они заметили, что историческое событие описывается несколькими языками и требует несколько жанров для адекватного осмысления. «Многоголосие» историки отмечают, но до выделения полионтизма и полионтологичности не поднимаются.

Прежде всего, но не преимущественно, это жанр сказания или былины, когда все происходящее описывается человеком, современником, наблюдающим за всем как бы со стороны. Собственно говоря, это позиция человека, который встроен, включен в данную реальность, в событии не участвует, но видит и описывает свершающееся, свершившееся с «амфитеатра».

Перечислю все языки или точки зрения, зафиксированные историографами: участник или, если хотите, виновник исторического события, точка зрения современника (свидетеля), который все видел. Далее, наблюдение человека, стороннего, чужого для данного государства или места, для какого-либо виртуала, для какой-то реальности, для какого-то конфликта — наблюдение или свидетельство какого-либо иностранца в прямом или переносном смысле. Мы все бываем немного «иностранцами», возвращаясь на работу из отпуска или приехав в «чужой монастырь». Как, например, сейчас таковыми являются некоторые из вас, что впервые пришли в реальность виртуалистики, кого я впервые вижу на нашем семинаре.

И все же оказывается, что жанр былины (сказания) и языки описания с трех точек зрения не достаточны для того, чтобы выпрыгнуть за пределы той реальности, в которой происходит историческое событие.

Естественно, есть еще одна точка зрения — это точка зрения последователя, потомка — это может быть историк или ученый, — оценивающего то или иное историческое событие. Оценка, кстати, связана и с жанром анекдота. С анекдотами, бытующими среди современников.

Но, оказывается, все нужно еще написать и с точки зрения высшей — сакральной реальности, которая существует вечно. Рассматриваемое историческое событие почему-то и в ней оставляет след и, как правило, оказывается, что в высшую реальность это событие на самом деле ничего нового не привносит. Жанрово такое описание укладывается в притчу, притчевое слово. Как правило, все события, с точки зрения высшей реальности, уже происходили до нас. То есть все подвиги или грехи уже были ранее свершены. И самое страшное — это стать тем самым первогрешником, потому что в высшей, сакральной реальности человек, свершая этот первый грех, открывает новую «номенклатуру», и все последующие грехи его последователей «падают» на его голову, как на голову этого первого грешника.

Так вот, феноменологию исторического события историографы зафиксировали, но концептуализировать ее до философского уровня, до теоретической модели, к сожалению, не смогли.

На мой взгляд, и это мы обсуждали с Н.Носовым, получается так, что историческое событие, по сути, по своей природе, является виртуальным событием и требует для адекватного представления полионтологического подхода².

Породившись в предыдущей — константной — реальности, историческое событие захватывает всех, всех в себя вовлекает и переживается всеми актуально. В рамках новой, порожденной (в нашем случае исторической) реальности начинают действовать свои законы, не сводимые к породившей ее реальности, т.е. она, новая реальность, характеризуется автономностью. И эта новая историческая реальность интерактивно воздействует на породившую ее реальность³.

Субъективно историческое событие воспринимается всеми современниками как спонтанное. Люди начинают описывать его в объективированных терминах — это то, что виртуалистика Н.Носова зафиксировала на феноменах ошибок у летчиков испытателей, у спортсменов и у людей опасных профессий, попадающих в стрессовые ситуации. Описание ими своих переживаний в объективированных терминах, как можно заметить, соответствует жанру былины или сказания на социальном уровне. Можно указать и на другие параллели.

Рассказывая сегодня о виртуале Н.Носова, мне необходимо включить в его описание и исторические аспекты, связанные с трансформацией виртуала, сейчас я могу сказать, что сама смерть Н.Носова — это виртуальная смерть. Это то событие, которое в реальности виртуала Н.Носова произошло вдруг и неожиданно, хотя потенциально данное событие в этой реальности находилось, уже изначально содержалось. То, что оно произошло — мы все это переживаем актуально, и это событие не может не повлиять интерактивно на все последующие шаги. Собственно, здесь сижу сейчас я, а не Николай Александрович, который должен был бы вести этот семинар. Начинают происходить какие-то изменения и, в общем-то, это событие порождает новую автономную реальность, которая начинает существовать и действовать по своим внутренним законам. То есть, по сути, для виртуалистики, как научного направления, произошло то самое виртуальное, историческое событие, которое мы сейчас переживаем: произошло, происходит закрытие одного какого-то потока наших действий, мыслей и начинается что-то совершенно другое, новое.

Понимая, что у нас одновременно, сейчас, существует две реальности: порожденная (виртуальная) и порождающая (константная), и в этом смысле ушедший сейчас с нами.

Поэтому вам бы, наверное, интересно было услышать, а что все-таки произошло в той порождающей реальности, в которой произошло то самое историческое событие — уход ученого, коллеги, человека, мужа, отца.

Каждый виртуалист, каждый человек, раз мир виртуален и полионтичен, находится одновременно в нескольких, во многих реальностях, где он встроен телесно, где он встроен своей волей, где он встроен своими мыслями и где он реализуется как личность с определенной добродетелью.

Буквально в самые последние месяцы, дни, у меня было такое впечатление, что в нашей виртуальной реальности виртуалистики начал происходить просто шквал событий. У нас книги одна за другой выходят или готовятся к изданию, открываются круглые столы на конференции по психологии, на III Российском философском конгрессе, ремонтируется помещение Центра виртуалистики. Ну просто какой-то взрыв, казалось бы. Поэтому мы в последнее время обсуждали с Н.Носовым все, что связано с тем, как происходит распространение любого, в том числе и нашего, виртуала на других людей, на какие-то другие виртуалы, в конце концов, как любой конфликт⁴ распространяется?

В связи с данными вопросами нами обсуждалась и вводилась новая терминология. Мы с Н.Носовым говорили о создании терминологического комитета, о разработке международных терминологических стандартов области виртуалистики.

И здесь мне представляется важным сказать вот еще о чем. Так как виртуалистика межпредметна, постдисциплинарна, в некотором смысле всеобъемлюща, прежде всего ввиду ее инвариантности по качеству — Н.Носов ее прямо относил к парадигматике, — она де-факто претендует на изменение статуса видения мира.

Я могу заметить, что если говорить о какой-то сакральной, вечной реальности основных философских, научных событий, которые были в жизни человечества, то можно назвать всего лишь несколько: это первая картина мира, которая была предложена Птолемеем. Ее сменила вторая — Коперника. Затем третья картина мира, которая была сформирована Исааком Ньютоном. Далее четвертую поправку внес Эйнштейн и, наконец, на мой взгляд, пятое видение мира дал Николай Носов. Он изменил картину мира: с появлением виртуалистики наше понимание законов формирования и развития вселен-

ной изменилось. Вселенная «стала развиваться» по другим — виртуальным законам. Мы живем уже в виртуальном мире, об этом и говорит Манифест виртуалистики, написанный Николаем Носовым.

Участники нашего семинара, все наши современники могут пережить, увидеть, как начинается происходить трансформация реальности. Это, несомненно, захватывающее, завораживающее событие — ведь началась какая-то совершенно другая философия.

Обычно это происходит за счет того, что человек, который являлся носителем того или иного виртуала: вот, я что-то придумал, я самый лучший, я читаю самые лучшие лекции, организую ту или иную жизнь в какой-то системе, институте и вот в какой-то момент жизни любой мастер вдруг начинает ощущать, что он почему-то остается один. Получается так, что лидер со своим самым передовым представлением, с самым лучшим выполнением функций, с самым лучшим ощущением, предвосхищением новой реальности — не позволяет зайти в эту реальность другим. Например, новичкам — молодым специалистам, которые, когда зайдут, обязательно все сделают плохо.

Поэтому для того, чтобы расширить свой виртуал, необходимо, прежде всего, его освободить. Мы с Носовым обсуждали и вводили такое понятие, как *контракция виртуала* или *вакуум виртуальный* — когда остается только *оболочка виртуала*, а *телесность, тело виртуала* отсутствует.

Так вот, по сути, Носов сделал самое выдающееся событие для того, чтобы его виртуал начал наполняться. Своей смертью он его освободил!

Что такое проект? «Проектус» в переводе с латыни, дословно, — это, с одной стороны, «пробрасывание» вперед. Отсюда слова проекция, проектор.

Мы с Н. Носовым обсуждали такое понятие, как *проекция виртуала*, когда я, автор, как носитель какой-то идеи, какой-то системной деятельности, какого-то миропонимания, — я это все проецирую вне себя. То есть я заражаю вас своим виртуалом — «изливаюсь» на вас.

А с другой стороны, в еще одной коннотации, проект — это «сложение с себя обязанностей». То есть когда я, автор, рассказываю, что надо сделать и заражаю этим аудиторию, людей, сподвижников, то это делать начинают они. Вы начинаете в нем жить, обживать. Вы находите себя в совершенно новом качестве.

На семинаре мы сегодня уже говорили про коммунистический виртуал⁵. И мы с Николаем Александровичем обсуждали такой вопрос, как *облитерация виртуала*. Облитерация — это забывание, стирание. Феномен облитерации хорошо известен в медицине: облите-

рация сосудов при ишемической болезни сердца, облитерация полых органов (например, желчного пузыря при желчнокаменной болезни). А есть *облитерированные виртуалы*: вроде мы знаем, что они — реальности — есть, но в то же время мы ими не пользуемся. Это и есть облитерация виртуала. Самое страшное — если бы произошла облитерация виртуала виртуалистики.

Как вы видите, я сейчас использую достаточно широко латинскую терминологию как первоязыка науки. По всей видимости, латинский язык — живет, он не облитерирован.

Мы с Н.Носовым вплотную подошли к формированию комитета по созданию международной номенклатуры в области виртуалистики, и конечно, мы здесь хотели бы получить поддержку Российского философского общества (РФО).

Понятно, что язык должен быть латинский, русский, ... но мы говорили и о литовском и грузинском, просто так сложилось. Это четыре языка, которые претендуют сейчас на статус «виртуальных» де-факто⁶. Латынь — потому что она просто виртуальна для нас, частично облитерирована: оболочка есть, а тело ее мы начинаем наполнять новым содержанием. Русский язык потому, что по судьбе исторического создания Родина виртуалистики — Россия, среднерусская возвышенность, Москва, Московская область. Николай Александрович, кстати, похоронен недалеко от Москвы — близ деревни Носово.

Так вот, о виртуале. Для того чтобы вовлечь кого-либо в виртуал, необходимо носителю спроецировать его из себя во вне — продемонстрировать, а затем произвести собственную контракцию — освободить виртуал. То есть виртуал — это жизнь, и человек должен почувствовать, что это за жизнь, прожить, пережить, обжить виртуал. Должен войти в него целостно — тремя реальностями: сознанием, телесностью и волей. Получить в результате новую личность — себя в качестве нового человека. Повстречать своего собственного двойника — внутреннего человека.

Поэтому и наш семинар — это возможность для того, чтобы докладчик, мастер сначала сделал виртуальную проекцию, а потом произвел собственную контракцию — немножко отошел в сторону и дал каждому возможность что-то прожить, отнестись к услышанному, задать какой-то вопрос. Дал возможность почувствовать себя таким же виртуалистом.

Мы начинали вводить понятие *габаритов виртуала*⁷. Габариты виртуала проявились когда мы начали работать с бронхиальной астмой — с аретеей бронхиальной астмы. Как раз пришел Александр Николаевич Михайлов — один из наших ведущих специалистов, раз-

работчиков артеи бронхиальной астмы — подходов и технологий ее девиртуализации (элиминации)⁸. Это тоже какой-то отдельный мир, но и он — часть виртуала Н.Носова... А виртуал Носова, как и любой другой, как мы знаем, характеризуется полионтологичностью и полионтичностью — это множество миров, которые связаны единой природой, единым началом.

Николай Александрович старался проецировать свой виртуал на окружение, коллег. Виртуалистика — вещь очень простая, когда понимаешь. Просто — когда знаешь «как». Но если знаешь «как» — это не значит, что будет легко. Быть виртуалистом очень не легко, т.к. виртуалистика разомкнута: есть какие-то «кубики» и принципы формирования и манипулирования инструментари-ем виртуалистики.

Поэтому очень важно научиться видеть виртуальные проявления, феноменологию, которая происходит в какой-то конкретной, практической реальности. Поэтому-то Н.Носов хотел, чтобы наш центр, если говорить о перспективах, помог решить конкретные проблемы, противоречия, которые есть в той или иной области практической деятельности.

Понятно, что проблемы, противоречия мы должны разрешать с опорой на специалистов, которые работают с конкретными научно-практическими задачами.

Здесь мы сталкиваемся с феноменом так называемой *виртуальной ловушки*, который мы тоже успели обговорить буквально перед самым уходом Николая Александровича Носова... В чем состоит феномен виртуальной ловушки?⁹

Феномен виртуальной ловушки возникает, например, при трансферте какого-то знания из одной практической области деятельности в другую. Работы вокруг данной проблематики ведутся давно. Из последних, наиболее интересных на мой взгляд, могу назвать монографию Александра Крушанова «Язык науки в ситуации предстандарта», в которой очень хорошо описаны феноменологические проявления затруднений такого переноса, трансляции, трансферта знаний при формировании новых областей исследований.

Но вот представьте, есть теория решения изобретательских задач — ТРИЗ — Г.С.Альтшуллера.

Она создавалась следующим образом. Были изучены несколько тысяч патентных заявок, в результате анализа этих заявок были определены алгоритмы, которые применялись изобретателями, эти алгоритмы были описаны и теперь каждый желающий может их изучать.

Что происходит при обучении каноническим алгоритмам? Мы учим, готовим и воспитываем не человека, способного порождать любой изобретательский алгоритм деятельности, а человека, способного лишь его воспроизвести.

Дело в том, что результат деятельности (алгоритм) предъявляется как парадигма деятельности, и данный виртуальный *трансферт* (перенос не стали использовать из-за занятости слова психологией) мы описали как ловушка Баранкина (был такой мультфильм «Баранкин, будь человеком!»).

Иными словами, в результате вместо личности художника, способной к созданию произведения: порождению в своем сознании, телесности и воле описанного исследователем алгоритма действий как частного случая практики или, если смотреть шире, — жизнедеятельности, получается личность ремесленника, который лишь воспроизводит предложенные канонические образцы.

Многие великие изобретатели страдают «синдромом Остапа Бендера», который и не знал, что на одних досках играл испанскую партию, а в оставшихся 12 черные защищались от великого комбинатора хоть и устаревшей, но достаточно эффективной защитой Филидора. То есть изобретатель зачастую не знает, не отдает себе отчет в том, что пользуется ТРИЗовскими алгоритмами: для него алгоритм — это частный случай функционирования его сознания.

Таким образом, есть *трансферт конгруэнтный* — перенос из одной реальности в другую и *неконгруэнтный* — с подменной или субпозицией, когда мы говорим о подготовке любого специалиста на основе изучения чужого опыта.

Вот очевидный для многих пример. Когда дети спрашивают, откуда они появились, то родители им отвечают, что их нашли в капусте или аист принес, тем самым нормальные родители производят конгруэнтный трансферт.

У меня есть дочь, и если кто-то мне скажет, что дети появляются благодаря тому, что мы с женой чем-то занимались о чем в книгах по половому воспитанию пишут, то я не соглашусь. Для любого родителя его ребенок — чудо!

Между процессом «книжного типа» и ребенком есть виртуальный разрыв порожденности — чудо.

Поэтому конгруэнтный трансферт состоит в том, чтобы ребенку рассказать о его рождении с учетом того, что есть определенное чудо, которое мы до конца описать не можем — это с одной стороны. А с другой, о чуде надо сказать на языке понятном ребенку — человеку с

формой сознания, телесности, личности, воли ребенка. Поэтому когда мы говорим про аиста или капусту, то такой рассказ является для него совершенно адекватным.

Еще один пример или ситуация. Виртуалистика говорит о том, что заболевание и здоровье — это порожденные состояния. Для человека с конкретно-предметной формой сознания можно сказать, что здоровье и болезнь — это то, что может быть привнесено и соответственно забрано у человека. И болезнь, и здоровье — это то, что появляется, приобретается, восстанавливается, находится, возвращается. И то, что — забирается, теряется, пропадает, уходит. То есть для людей с натуральным, конкретно-предметным, сознанием виртуальная природа мира была конгруэнтно объяснена и рассказана.

Некоторые из вас могут заметить, что я только что рассказал об архаических представлениях о здоровье и болезнях.

Когда человек с классическим научным сознанием, у которого нет виртуального мировоззрения, начинает изучать так называемую архаику представлений о здоровье и болезни, то анализ таких представлений ни к чему хорошему привести не может.

Гиперболизирую ситуацию. Полагаю, что цивилизационный слой — это слой, собравший, вобравший в себя, из-за классического научного мировоззрения, артефакты неконгруэнтных субпозиций наших знаний о мире. А так как это достаточно большой слой, то когда человек в него попадает, то находит в нем все, чем он может увлечься как личность, куда может встроиться телесно, то, что он может начать делать (реализовать свою волю), то, над чем он может начать размышлять (это мы говорим о реальности сознания). То есть человек обретает, осваивает новый для него мир, но этот новый мир состоит из фрагментов и артефактов субпозиций. Не зря же говорят, что некоторые страны потеряли душу в гонке цивилизации, что философия помогает победить шизофрению мира и т.д.

Теперь можно сказать о политической виртуалистике. О России.

Сегодня в стране мы имеем серьезные демографические проблемы. Как видит причины данных явлений виртуалистика?

Когда совершается какое-то историческое событие, то происходит поломка, слом существующего, действующего виртуала, его облитерация и возникновение нового, неизвестного виртуала. *Эвакуация* населения в прежние условия не возможна. В данной ситуации должны начать проявляться сдвиги в популяционной телесности, сознании, личности, воле, внутреннем человеке. Это макроуровень рассмотрения.

Благодаря тому, что мы занимаемся учебной, тренинговой и консультационной деятельностью, мы фиксируем подобный класс феноменов и на микроуровне — на уровне группы или организации. Нарушения, например, ориентировки в пространстве из-за того, что происходит изменение, сдвиг в телесной составляющей, в сознании и реальности воли людей. К примеру, часто участники тренингов не могут перейти с одной станции пересадок на другую, т.к. они теряются. Поэтому вспышка травматизма, которая наблюдалась через год после событий 1991 г., с классических научных позиций ничем не объясняется. Объяснение с виртуальной точки зрения вполне очевидно. Рост травматизма — это отражение тех самых изменений виртуального самообраза — соби — нашей нации.

Более того, мы обсуждали многое из того, что связано с закономерностью развития виртуала реальной экономики. Они отличаются от закономерности развития виртуала виртуальной экономики, извините за тавтологию, т.к. речь идет о виртуальной экономике не в виртуальном, а в обыденном понимании данного слова.

Оказывается, кривые роста реальной экономики отличаются от кривых информационного роста. Последние, кстати, совпадают с кривыми демографического роста. Поэтому можно высказать гипотезу, что рост численности населения на Земле связан с тем, что население начинает жить в информационном виртуале цивилизационных артефактов или субпозиций — в виртуальной экономике в традиционном, обывательском понимании виртуальности. Иными словами, популяция расценивает, что она все время находится в зоне экспоненциального роста, т.е. на возрастающей части кривой. В данной зоне не запускаются механизмы обратной связи по ограничению рождаемости, процесс саморегуляции не запускается.

Мы сейчас подошли к описанию демографических виртуальных событий. Это то, что мы не успели написать, то что не успели с Н.Носовым до конца обсудить.

Если говорить о социальном времени, можно отметить, что есть время существования, жизни виртуала, время его социальной адекватности.

Оказывается, у рождения, у жизни того или иного виртуала тоже есть какие-то закономерности, которые мы успели нащупать¹⁰.

Если говорить об уровне отдельного человека, то статус телесности, сознания, личности и воли меняется не быстрее чем за 3 месяца. Вообще новый человек не может родиться быстрее, чем за 270 дней. Связано это как раз с вырастанием, формированием этого самого

виртуала. Для того чтобы стать специалистом, профессионалом, надо потратить около 7 лет. Кстати, человек «разрушается» в тюрьме тоже примерно за 8 лет.

Как социальные виртуалы играют злые шутки?

Почему-то у нас никто не говорит об этом, но в 1980-е гг. в Великобритании правительство решило сокращать ассигнования на научно-исследовательские институты, занимавшиеся сельскохозяйственной проблематикой. Но дабы не оборвать работу этих институтов, была разработана программа поступательного снижения финансирования. Как говорили британские управленцы – сфера научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства «подверглась тысячам мелких ударов». В результате было достигнуто совершенно противоположное. Все привело к демотивации сотрудников и прекращению притока в данную сферу молодежи и смены кадров... К чему я клоню? Ну, если мы посчитаем время, прошедшее между первым событием и недавней вспышкой коровьего бешенства, которая потрясла весь мир, то можно спрогнозировать, что у нас, в России, вспышки чего угодно могут начаться к 2010 г., а может быть, и раньше.

Если подвести короткие итоги, воспользовавшись языком исторической метафоры, то мы с Н.Носовым подошли вплотную к политической виртуалистике и остановились практически перед ней.

Продолжим разговор о виртуальных принципах формирования той или иной реальности. Сегодня очень модно говорить об имиджеологии, управлении, конфликтологии, о киноиндустрии.

Оказывается, для того, чтобы снять хороший фильм требуются три вещи: хорошая история, фабула – это в переводе с латыни означает басня или сказка; должен иметь героя, как правило это какая-то кинозвезда; и самое главное для того, чтобы фильм имел кассовый успех, он должен быть снят в одном жанре.

Если роман пишется в нескольких жанрах одновременно, если фильм снят в нескольких жанрах одновременно, то это искусство не для всех, это элитарное кино. Замечено, что процент людей, способных воспринимать искусство, т.е. имеющих полионтичное сознание, различающих полионтологизм реальности, составляет примерно 5% от популяции. Еще 10–15% – это те люди, которые способны чувствовать и видеть, что за этим, так скажем, «сюром» что-то есть.

Я сейчас во время своего выступления, к сожалению, жанровую чистоту не соблюдаю, и даже, более того, и сюжетную чистоту не соблюдаю...

Романы, как известно, делятся на несколько категорий: на сюжетные романы и несюжетные романы. Сюжетные романы – это те, что классифицируются на любовные, эротические, детективные и

прочие. А несюжетные романы — это романы, в которых много чего намешано, как правило, исторические, например «Петр Первый» — это внесюжетный роман, в котором много чего происходит. Что связывает в нем все воедино? Это всего лишь какая-то высшая реальность — существование страны, создание государственности, патриотизм, непреходящие человеческие ценности...

Мое выступление — внесюжетно, многожанрово. Что его цементирует, сохраняет претензию на семинар, на научную форму доклада? Внесюжетную связь обеспечила виртуальная парадигма и виртуал Н.Носова.

У нас, как я понимаю, практически разработано *синопсическое* описание виртуала. *Синописис* — это значит один взгляд, как бы общий взгляд. Он включает четыре реальности: сердечную реальность — реальность телесности, реальность воли, реальность личности и реальность сознания.

Мы приступили к *несинопсическому* — универсальному описанию реальности виртуала. Мы начали работать с системными методами третьего поколения, с инвариантным моделированием на основе теории гиперкомплексных динамических систем А.Н.Малюты¹¹.

Когда великие люди уходят, то отмечается такая феноменология — сразу же появляются какие-то тексты, авторство которых приписывается ушедшему человеку. Я рассказываю из виртуала Н.Носова, поэтому отмечу: сказать что это текст Носова — нельзя, и в то же время я не могу сказать, что это мой текст. Скорее, я готов приписать его Николаю Александровичу, хотя наверняка он сказал бы это как-то по-другому, по-своему.

Продолжу о виртуальной феноменологии — о феномене виртуальной *контракции*.

Есть словари сокращений и аббревиатур. Я посмотрел на букву «А» в словаре Ахиджаняна «Медицинских и медико-сопутствующих сокращений» и насчитал на эту букву 3 страницы. «А» — это категория летного состава, допущенного к полетам, это также и альбумин и пр., и т.п. Есть масса реальностей, в которых происходит контракция виртуалов до буквы «А». И если мне говорят «А», то совершенно непонятно из какого виртуала, из какой реальности деятельности эта буква звучит.

Поэтому терминология виртуалистики, стандарты терминологические, но и конечно, толковый словарь по виртуалистике — должны создаваться. И должен он создаваться как новый словарь уже следующего поколения, в основе которого лежит, конечно, язык между-

народный: в медицине, в метеорологии, в юриспруденции — это латинский язык. Я думаю, что вполне возможно, что и в виртуалистике тоже должен быть язык латинский.

Мы начали обсуждать с Н.Носовым виртуальные смерти — *разрядку виртуала*, которая происходит на тренингах, и например, во время психотерапии.

Виртуалистику очень трудно понять по одной простой причине — она сама строится по виртуальным принципам. Кроме того, как я уже говорил, она постпредметна, междисциплинарна и поэтому, если мы говорим о каком-то конкретном примере, то может получиться так, что этих рецептов разрешения той или иной проблемы в практической области деятельности уже много. Да, если человек в ней работает, совершенно адекватен и не собирается выходить за ее пределы, то виртуалистика ему просто не интересна. Ну зачем? Ему и так хорошо, деньги платят, специалист уважаемый, людям помогает. Чего еще надо?

Оказывается, если опять говорить о взаимодействии виртуалов, то есть какие-то вещи, нащупанные теми же самыми литераторами — если романист хочет иметь успех, то его роман 2/3 текста должен содержать известного, а 1/3 авторского. Некоторые считают, что эта цифра 1/4.

Виртуалистика в чистом виде, *per se*, на мой взгляд, занимает 90% совершенно нового, уникального и 10% понятного для обывденного сознания. И поэтому виртуалистика достаточно сложна для понимания. Но, тем не менее, люди когда выходят на уровень системной работы, а как правило, это происходит лет через 20 практической деятельности, когда они всю свою практическую реальность, свой виртуал, знают уже как свои 5 пальцев, тогда им становится интересно решать именно тот пласт задач, который связан с виртуалистикой.

Еще один интересный феномен: когда текст виртуальный, то он является самодостоверным. По-другому, иначе просто нельзя сказать.

Этот момент многие специалисты замечают. Так, один из великих джазовых дирижеров сказал, что самое главное в работе дирижера — это понять, что наступил тот самый момент, когда вы можете позволить им, оркестрантам, играть самим. Когда люди вошли в виртуал и начинают играть, то там уже мешать не надо, все само идет.

Недавно в гостях передачи «Ночной полет» был один из режиссеров московских театров. И ведущий у него спросил:

— Говорят, вы такой режиссер странный, вы любите смотреть свои спектакли?

— Да, очень люблю.

— А почему?

— Вы знаете, я стою, смотрю и думаю: неужели это я создал? Ведь спектакль живет какой-то своей собственной жизнью, и мне интересно. Я смотрю, и сам не верю, неужели это я сам поставил.

Мне кажется, мы сейчас подошли к тому самому моменту, когда даже Николай Александрович мог бы сказать, что ему интересно, ему было бы очень интересно сейчас жить вместе с нами и смотреть и думать, что неужели это все виртуалистика.

Виртуалистика должна сейчас породить совершенно новую реальность, величие, масштабы и габариты которой мы даже не можем себе представить. В это время чудесное посчастливилось нам с вами прожить, пожить.

Ну а с точки зрения развития науки его поступок очень сильный — освободить свой виртуал для того, чтобы его начали обживать другие, т.е. отдать себя — тоже сильный научный ход.

Я хотел сделать один доклад, у меня получился совершенно другой. Но он получился именно таким.

Спасибо.

Примечания

- ¹ См., например: *Успенский В.А.* Теорема Гёделя о неполноте. М., 1982.
- ² Позднее идея была подробно изложена в предисловии к работе: *Асадуллин Э.Ф.* Виртуальный подход в истории. М., 2003.
- ³ Только что я перечислил четыре объективных свойства любой виртуальной реальности: порожденность, автономность, актуальность и интерактивность, описанные Н.Носовым и О.Генисаретским (1986).
- ⁴ Здесь отсылка к предыдущему докладчику — профессору В.П.Дурину (Хабаровск), выступавшему в первой части семинара с докладом «Конфликт как виртуальное явление».
- ⁵ Здесь отсылка к предыдущему докладчику.
- ⁶ Речь идет о коллегах — Ревазе Копаладзе, обещавшем работать над словарем на грузинском, и Андриусе Калугинасе из Литвы.
- ⁷ Габариты виртуала — произведение ранга виртуала (количество его иерархических уровней) на его прядок (количество элементов, реальностей на каждом иерархическом уровне).
- ⁸ Позже Центр виртуалистики ИЧ РАН выпустил две монографии, посвященные виртуальной теории бронхиальной астмы: *Носов Н.* Виртуальный конфликт: виртуальная социология медицины. М., 2002. *Михайлов А.Н.* Артея нарушений дыхания. М., 2003. (Тр. Центра виртуалистики. Вып. 22).
- ⁹ *Пронин М.А.* Виртуальные ловушки // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы III Рос. филос. конгр. (16—20 сент. 2002 г.). В 3 т. Т. 2. Ростов н/Дону, 2002. С. 354.
- ¹⁰ В 2006 г. вышли наши работы, посвященные синдрому жизненного истощения и его противоположности — феномену жизненного наполнения.
- ¹¹ *Малюта А.А.* Гиперкомплексные динамические системы. Львов, 1989.